

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РОССИЯ И ЗАПАД

Об отношении Православной церкви к инославным вероисповеданиям

Часть 3

Россия и католический Запад в XVII столетии

В 1629 году французский посланник обратился к русскому правительству о разрешении на постройку католического храма в Москве, но в то время, в силу неблагоприятной международной политической ситуации, это ходатайство было отклонено. И все же к концу XVII века католики, жившие в Москве, в том числе и французы, получили это право¹.

Посольство П. И. Потемкина. В 1667 году во Францию прибыло русское посольство с намерением заключить русско-французский союз против турок. Глава посольства Петр Иванович Потемкин писал царю Алексею Михайловичу о том; что «во французском государстве вера католическая, под паствою папы римского... Из иных государств во французскую землю, в город Парис и в иные города, приезжают для науки философской и для учения разного строя королевичи и великородные, и всяких чинов люди. Потому что город Парис великий и многолюдный и богатый, и школ в нем безмерно много: студентов в Парисе бывает тысяч по тридцати и больше»².

В. О. Ключевский упоминает об одном таком студенте, переселившемся потом в Россию еще при царе Михаиле Федоровиче (1613—1645). Речь идет о некоем протестанте, «лютеранине», который «прошел все науки, много лет учился в „славной Парижской Академии“, знал много языков, обучился изрядно и славянскому. В России он принял Православие, постригся в монахи (с именем Вавила. — *Авт.*), при патриархе Никоне стал за старую веру»³, то есть ушел в старообрядческий раскол.

О перекрещивании католиков. В первые десятилетия XVII столетия развитие православно-католических отношений было приостановлено в связи с определением

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Иконников В. С. Сношения России с Францией XVI—XVIII вв. Киев, 1893. С. 19.

² Цит. по: Статейный список посольства стольника и наместника Боровского, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 7175 (1667) году // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 4. М., 1788. С. 562.

³ Ключевский В. О. Западное влияние в России XVII в. // Вопросы философии и психологии. 1897, сентябрь—октябрь. С. 787.

ми, принятыми в 1620 году на поместном Московском соборе, в которых настаивалось на необходимости вторичного крещения лиц инославного исповедания, переходящих в православие. Эти определения были вызваны сложной внешнеполитической обстановкой, в условиях борьбы с католической Польшей, и касались прежде всего католиков.

Исторические условия, породившие догматически спорные определения Собора 1620 года, в значительной степени изменились в связи с переходом Левобережной (Восточной) Украины из-под власти Польши под власть России (1654 г.), после чего угроза со стороны католической Польши была ослаблена. Поэтому Антиохийский патриарх Макарий, посетивший Москву в 1655–1656 годах, указал на недопустимость перекрещивания католиков при переходе их в православие. Во время второго визита патриарха Макария в Россию этот вопрос был поднят снова, в связи с чем поместный Собор 1667 года отменил прежнее постановление 1620 года и предписал принимать католиков лишь через миропомазание.

Сближение с Западной Европой, начатое еще в конце XVII века, открыло новые возможности в России и для католичества. Много русских людей, так называемых «волонтеров», посетило папскую столицу, с благоговением поклоняясь местным святыням. Б. П. Шереметев, прибывший в Рим во главе русского посольства в 1698 году к папе Иннокентию XII (1691–1700), вручил ему царскую грамоту. Петр I не раз присутствовал в Москве при католическом богослужении. Терпимость Петра к католикам не шла, однако, далее религиозной сферы. В католичестве Петр видел нежелательную силу, которая могла подорвать авторитет его власти.

Западнорусская киевская школа. Несмотря на притеснения со стороны польской шляхты, на Украине образование было развито значительно лучше, чем в соседней Московии. Причин тому было несколько. Больше всего повлиял тот факт, что с 1596 года на землях польской короны параллельно существовали две части некогда единой Церкви. Одна из них — униатская — внешне сохраняла православный строй богослужения, но канонически подчинялась римскому престолу и служила средством превращения украинцев в католиков. Вторая, более многочисленная и представительная, осталась верна православию, находилась в оппозиции к Риму, за что и была объявлена властями вне закона. Первая обладала всей мощью государственной поддержки, а у второй некоторое время не было даже должного числа епископов.

Но уже ко второй четверти XVII века сформировалась православная система образовательных учреждений, которые использовали опыт католических университетов и при этом направляли усилия на отстаивание прав православного населения страны и развитие родной культуры. Этой системе удалось успешно функционировать до тех пор, пока в конце XVIII века центр образования на Руси окончательно не переместился в Москву и Петербург. При этом влияние западнорусской киевской школы на многие сферы жизни всей тогдашней Руси еще долгое время оставалось довлеющим.

Значительное влияние на современные исследования, посвященные истории Русской церкви продолжает оказывать концепция истории русского богословия Ю. Ф. Самарина. Многие идеи, впервые высказанные одним из основоположников славянофильства в XIX веке, можно с незначительными изменениями встретить в работах ученых, вышедших в свет на рубеже XX–XXI веков. Изначально концепция Ю. Ф. Самарина была сформулирована в его магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович»⁴, целиком опубликованной в 1880 году. По мнению автора, допетровский период в жизни Русской церкви характеризовался формализмом, ибо «отвлеченная сторона» религии была недоступна большинству народа. После Реформации, когда в Россию проникли иезуиты, стремящиеся завоевать славянский мир для папы, нача-

⁴ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. V. М., 1880.

лось «влияние западного учения на Православие, борьба двух Церквей в недрах самой России, богословские споры, в которых сами противники католицизма испытывают его влияние»⁵. Это привело к появлению прокатолической богословской школы и созданию латинизированного духовного образования.

Эта схема была практически без изменений воспринята прот. Георгием Флоровским, который, наполняя ее историческими фактами, рисует в своем труде «Пути русского богословия» яркую картину постепенной утраты русской религиозной мыслью в XVI–XVIII веках своей восточнохристианской составляющей. Сперва после падения Константинополя русские книжники заостеневают в провинциальном неовизантизме Москвы XVI века. Потом в западнорусских землях под непрерывным латинским влиянием осуществляется «псевдоморфоза» православного богословия: при внешнем сохранении восточнохристианского обличия киевская богословская мысль проникается католическим содержанием и методологией; ключевую роль в этом играет **митр. Петр Могила**. Покровительство, оказываемое Петром I малороссийским архиереям, поставляемым им на великорусские кафедры, способствует распространению латинизированного православного богословия по всей Российской державе⁶.

6 декабря 1646 года был издан Требник митр. Петра Могилы под заглавием: «Евхологион, альбо молитвослов или требник». Требник владыки Петра является книгой, предназначенной для понимания и совершения обрядов Православной церкви.

«Евхологион» был предназначен для приходских священников. Всего в книге изложено 126 чинов с подробным описанием действий служащих клириков при их совершении, а также формулы наставлений и испытаний в отношении мирян, участвующих в данном последовании.

Язык «Евхологиона» был ясным и понятным, устаревшие в значении слова были заменены словами «простой мовы» или же полонизмами и латинизмами. При необходимости владыка Петр прибегал и к католическому требнику *Rituale Romanum*. Заимствования касались в основном теоретической сакраментологии. Так, статьи с объяснениями сути таинств Исповеди и Причастия были с минимальными изменениями взяты из *Rituale Romanum*. Некоторые из объяснительных статей к Таинствам в Евхологионе либо целиком заимствованы из аналогичных разделов *Rituale Romanum*, либо написаны на их основе. Там, где существовало различие между католическими и православными обрядами, митр. Петр Могила вставлял развернутые пассажи, излагающие православную точку зрения. В то же время влияние католических чинопоследований на чинопоследования требника незначительно⁷.

В 1669 году **архим. Иннокентий Гизель** издает обширный труд «Мир с Богом человеку», посвященный нравственному богословию и духовническому руководству. В этом сочинении, составленном на основе католических пособий по моральной теологии, рассматривались различные «греховные недуги» и способы их врачевания. В 1671 году под заглавием «Наука о тайне святого покаяния» был издан сокращенный вариант «Мира с Богом», предназначенный для мирян.

В 1665 году **Иоанникий Галатовский** издал отдельную книгу «Небо новое, с новыми звездами сотворенное», специально посвященное чудесам Божией Матери. В книге было приведено 445 чудес Девы Марии, собранных главным образом из латинских источников⁸. «Небо новое» вызвало большой интерес у читателей, несколько раз переиздавалось и даже было переведено на русский язык в подмосковном Саввино-Сторожевском монастыре.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М., 2009. С. 65.

⁷ Крыжановский Е. М. Собрание сочинений. Т. I. Киев, 1890. С.141–146.

⁸ Сумцов Н. Ф. Иоанникий Галатовский // Киевская старина. 1884. С. 372–374.

Основным методом работы **Симеона Полоцкого** как писателя был детально проработанный в могилянской традиции авторизованный перевод-адаптация католических сочинений. Так, «Венец веры католической» был составлен, главным образом, на основе труда бельгийского иезуита Ж. Маршана⁹, а «Псалтырь Рифмотворная» написана под влиянием аналогичного сочинения польского поэта Яна Кохановского¹⁰.

В Великороссии с конца 1640-х годов западнорусская церковная культура уже официально начинает восприниматься как образец для подражания. В последующие годы Киевская митрополия оказывает культурное влияние на Великороссию, чему помогло широкое распространение многочисленных изданий малороссийских типографий, а также деятельность ученых монахов, переселившихся в царскую столицу. Возникает прослойка из учеников-великороссов, воспринявших киевскую интеллектуальную культуру. С середины 1680-х годов события, происходящие в интеллектуальной жизни Великороссии и Малороссии, сложно рассматривать отдельно: слишком тесно сплетаются между собой Киев и Москва. Причем русское богословие подверглось влиянию киевской учености, хлынувшей в Россию со второй половины XVII века. И одним из наиболее известных ее представителей является **святитель Димитрий Ростовский**.

В своих проповедях святитель часто прибегает к беседам со святыми, к спорам с ними, возражая им или удивляясь, иными словами, прибегает к приему драматизма. Все это, безусловно, оживляет его достаточно продолжительные поучения, в которых к тому же основная мысль повторяется по многу раз для лучшего ее усвоения слушателями. Еще одна особенность проповедей святителя Димитрия — переложение событий и образов священной истории на современные нравы. Благодаря таким приемам, а также особенному стилю его языка «и в настоящее время его проповеди производят неотразимое впечатление своей жизненностью, ясным изъяснением Божиих заповедей, убедительностью и ярко выраженной заботой о том, чтобы его слушатели стали на путь, ведущий к вечному спасению»¹¹.

Известно, что именно эти приемы заимствованы святителем у популярнейшего в его время польского проповедника иезуита Фомы Млодзяновского¹², четыре тома проповедей которого были в библиотеке святителя. В этих книгах содержится большое число помет, выписок, сделанных рукой святителя, что свидетельствует о внимательном изучении им указанных поучений. Более того, в некоторых проповедях святителя Димитрия можно найти прямые заимствования идей и мыслей польского автора. Известно также, что в качестве пособия в толковании Священного Писания святитель активно привлекал труды католического экзегета иезуита Корнелия а Лапиде, а цитаты святых отцов Восточной церкви, которыми во множестве снабжены проповеди святителя Димитрия, он нередко брал из комментариев на Евангелия португальского экзегета иезуита Дидакуса де Беза.¹³

⁹ Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011. С. 20.

¹⁰ Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 55.

¹¹ Варфоломей, митр. Новосибирский. О пастырководительном характере творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского // ЖМП, 1949. № 1. С. 55.

¹² Мацевич Л. Польский проповедник XVII века иезуит Фома Млодзяновский // ТКДА. 1871. Т. 2. С. 190–201; Беднарский Д. Запад и Восток в богословии Дмитрия Туптало // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М., 2003. С. 93–131.

¹³ Федотова М. А. Сочинения Дидакуса де Беза — один из источников украинских проповедей Димитрия Ростовского // Первые Дмитриевские чтения: Материалы научной конференции [СПб.], 1996. С. 16–27; Федотова М. А. О двух источниках украинских проповедей Димитрия Ростовского (Фома Млодзяновский и Корнелий а Лапиде) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 38. С. 343–350; Янковская Л. А. Ли-

Россия и католический Запад в петровскую эпоху

Диалог с сорбоннскими богословами. В начале XVIII века происходило интенсивное развитие связей России с Западом. Расширились и русско-французские связи. В течение некоторого времени даже велись переговоры о выдаче младшей дочери Петра I — Елизаветы за французского короля Людовика XV¹⁴. В апреле 1717 года Петр I в сопровождении князя Б. П. Куракина, князя Василия Долгорукова и вице-канцлера Шафирова отправился во Францию.

Знакомство русского царя с церковной жизнью Франции не ограничилось лишь беглым осмотром храмов, монастырей и реликвий. Петр I принял участие в обсуждении богословских вопросов. Во время своего пребывания в Париже Петр 14 июня (н. ст.) посетил Сорбонну; при входе он увидел статую кардинала Ришелье, влиятельного политического деятеля, который с 1624 года фактически распоряжался всеми государственными делами. Как сообщил потомок кардинала Г. Ришелье, «лишь только увидел ее (статую. — *Авт.*) Петр, как растроганный подбежал к изображению знаменитого министра, обнял его со слезами и сказал: „великий человек! я отдал бы половину царства моего гению, подобному тебе, чтобы он помог мне управлять другою“»¹⁵.

Сорбоннский проект. При встрече с сорбоннскими богословами Петру I были показаны церковь и библиотека; он осмотрел также гробницу кардинала Ришелье. В библиотеке Петр I заинтересовался хранившимися там вероучительными книгами на славянском языке. Сопровождавший Петра I член совета Сорбонны Бурсье высказал ему идею о соединении Церквей Востока и Запада, прося русского царя, «чтобы он, по совершении многих славных дел, удивляющих Европу, славу свою еще больше распространил споспешествованием сего подвига, дабы единый был пастырь и едино было стадо»¹⁶.

Петр I в личном плане отличался широкой веротерпимостью, но в данном случае речь шла о судьбах православия. Поэтому он не мог взять на себя ответственность единовластного решения и, как сообщается в хронике пребывания Петра I в Париже, ответил Бурсье и другим сорбоннским богословам, «что сие дело не малое, и учинить скоро того невозможно; к тому же Его Величество больше обращается в делах воинских. А ежели они того подлинно желают, чтобы о том писали к российским архиереям, ибо сие дело важное и требует на то духовного собрания; при этом изволил обещать им по своей от Бога дарованной власти повелеть русским архиереям, ежели те учителя будут писать к ним, на то ответствовать»¹⁷.

Сохранились сведения о некоторых препятствиях к достижению церковного единства, которые перечислил Петр I в диалоге с Бурсье. «Это соединение вещь не легкая, — отвечал Петр, — три обстоятельства мешают тому: папа (примат папской власти. — *Авт.*), происхождение Святого Духа (проблема филиокве. — *Авт.*) и... Третий пункт он забыл, и Бурсье подсказал — опресноки и вино для св. таинства причащения (то есть причастие под двумя видами. — *Авт.*)»¹⁸.

тературно-богословское наследие свт. Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI—XVII вв. Рук. дис. на соиск. степени доктора филол. наук. М., 1994. С. 2.

¹⁴ Иконников В. С. Отношения России с Францией в XVI—XVIII вв. Киев, 1893. С. 37.

¹⁵ Ришелье де, герцог. Пребывание Петра Великого в Париже // Телескоп, 1831. Ч. 2, № 5. С. 20.

¹⁶ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник, 1841, № 5. С. 407.

¹⁷ Журнал или поденная записка блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1772. Ч. 2. С. 411.

¹⁸ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 40.

Присутствовавшие при этом диалоге французские богословы стали утверждать, что Православная церковь и после соединения с Римско-католической церковью может не принимать практику употребления опресноков для совершения Евхаристии, что спор об исхождении Святого Духа от Отца и Сына — это не что иное, как спор о терминах, и что, признав власть римского папы, Россия может ничего не изменять в церковном управлении и придерживаться тех же принципов, которым следует Галликанская церковь.

Предложив проект «О соединении Церквей», сорбонские богословы проявили собственную инициативу и отнюдь не согласовали свои действия с папой римским. О причинах такой «автономии» упоминается в записках А. А. Матвеева. Русский посол поведствует о Коллегии богословов во главе с архиепископом Парижским и отмечает, что это «собрание во времена вражды, бывшей у короля, ныне государствующаго Людовика 14-го, с папою римским, предприав советы с тем сорбонским собранием, намерение взяло с действительными расположении королю папиной отлучиться власти и церкви французской избрать самовластного особно себе патриарха без повиновения всякаго впредь папе»¹⁹.

А. А. Матвеев имел в виду борьбу Людовика XIV с римской курией о праве назначения епископов на вакантные места и заявление французского духовенства «Объяснения галликанского клира о церковной власти», подписанное 35 епископами и 37 церковными деятелями, в том числе и представителями Сорбонны.

Поскольку Петр I не отверг предложения сорбонских богословов и просил их составить по этому вопросу письменный документ, они под руководством Бурсье успели сделать это до отъезда русского царя из Франции. В поданной Петру I записке приводятся свидетельства Священного Писания и высказывания святых отцов Церкви о необходимости церковного единства, затем следует изложение тех догматов, которые принимаются как Православной, так и Римско-католической церковью, и лишь в конце упоминается о тех препятствиях, которые лежат на пути к достижению вероисповедного единства.

Из догматических различий было рассмотрено подробно только одно: об исхождении Святого Духа, причем был сделан вывод о том, что различие коренится только в словах и что православные богословы отнюдь не обязаны добавлять «Филиокве» в текст Символа веры. Что касается учения о примате папской власти, то сорбонские богословы в этом вопросе проявили еще большую уступчивость. Они признавали за папой те же права, что и за всеми епископами, с первенством среди них как преемником св. апостола Петра, но отрицали его непогрешимость (безошибочность в суждениях) и доказывали, что Русская церковь не обязана будет подчиняться разным «составленным в Риме привилегиям», которые не признаются и многими католиками. «Таковы наши понятия о папе, — добавляли они, — и хотя они не разделяются ультрамонтанистами, но это не мешает нам оставаться католиками»²⁰.

Петр I принял этот документ и обещал передать его русским богословам для дальнейшего изучения и составления ответа. При всей своей широте подхода к инославию Петр I был верным сыном Русской православной церкви, и незадолго до отъезда из Франции, 20 июня, «в вечеру, в шесть часов, он был в церкви своей (православной. — *Авт.*) у всенощной, на праздник Сошествия Святого Духа, и сам пел с прочими, в свите своей находящимися россиянами»²¹, а 21 июня здесь же он присутствовал на литургии.

¹⁹ Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1973. С. 213.

²⁰ Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1867. С. 168.

²¹ «Журнал ежедневный...» // Русский вестник, 1841, № 5. С. 41 I.

Отъезд Петра 1 в Россию. Перед отъездом из Франции Петр «оставил в Париже уполномоченными барона Шафирова, Петра Толстого и князя Долгорукова»²². 9/20 июня Петр выехал из Парижа и направился «на воды» в Спа — небольшой городок близ Льежа (ныне — Бельгия). Помимо Парижа он побывал еще в нескольких городах Франции, в частности в Реймсе, в древнем соборе которого ему показали старинный Требник, использовавшийся в течение многих столетий при коронации французских королей. Священники объяснили царю, что эта древняя книга написана таинственными, никому не понятными письменами. Каково же было удивление Петра, когда он обнаружил, что этот Требник принадлежал некогда дочери Ярослава Мудрого Анне Русской, выданной замуж за короля Генриха I. Не меньшее изумление пережили священнослужители Реймского собора, когда их августейший гость свободно начал читать Требник, написанный на церковнославянском языке²³.

Отдыхая от государственных дел, Петр I среди прочих занятий предавался там и богословским размышлениям. Об этом упоминается в очерке, посвященном пребыванию русского царя в Льежском епископстве: «Важнейшим делом, которым занимался Петр, живя в Спа, был вопрос о соединении Церквей Восточной и Западной. В бытность его в Париже ученые представители Сорбонны предложили ему устроить такое соединение»²⁴.

Следует отметить, что еще во время пребывания Петра I в Париже обсуждался вопрос о его избрании в члены Французской академии наук. Вот что сообщалось по этому поводу в «Отечественных записках» (1821 г.): Петр I «присутствовал неоднократно в заседаниях Академии наук и, узнав обстоятельно состав оной и цель, изъявил свое соизволение быть ее членом»²⁵. Просьба царя была уважена, но это состоялось уже после отъезда Петра в Россию. Зимой 1717—1718 годов «получены были Его Величеством два письма: от президента Академии, аббата Биньона, и секретаря оной, Фонтенеля»²⁶.

Принимая Петра I в члены Французской академии наук, сорбонские богословы надеялись на благоприятный исход дела по соединению Церквей. Получив извещение о членстве во Французской академии наук, Петр послал ответ в Париж с библиотекарем Шумахером²⁷, но, однако, на отношение к проекту сорбонских богословов это никакого влияния не оказало.

Ответ сорбонским богословам. 10 октября 1717 года Петр I прибыл в Санкт-Петербург и вскоре передал записку сорбонских богословов видным русским архиереям для изучения. Как отмечалось в документах того времени, «прислана записка о средствах соединения Церкви Великой России с Церковью Римской, писана на латинском языке, в Сорбонне. Канцлером Парижского университета Либургом засвидетельствован французский перевод сей записки (на 16 листах) в заверение, что бумага о соединении Церквей точно подписана лицами, коих имена под нею означены. Петр отклонил от себя ответ Сорбонне, предоставив записку соображению Св. Синода»²⁸.

²² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. История Петра. М., 1938. С. 234.

²³ Черкасов Петр. Петр Великий во Франции (май—июнь 1717 г.) // Русская мысль, № 4172, 1—7.05. 1997. С. 17.

²⁴ К. Н. В. Пребывание в Спа русских государей // Исторический вестник, 1884, июнь. С. 641.

²⁵ Избрание Петра Великого в члены Французской Академии наук // Отечественные записки, 1821. Ч. 5, № 9—11. С. 179.

²⁶ Текст письма Биньона от 24 декабря 1717 г.: там же. С. 180—183; текст письма Фонтенеля: там же. С. 184—186 (от 17 января 1718 г.).

²⁷ Текст ответного письма Петра I: там же. С. 186—189.

²⁸ Обзорение известий о России в век Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения, 1843. Ч. 37. С. 147.

Инициатива, проявленная сорбонскими богословами, разделялась далеко не всеми католиками. Вот что писал, например, по этому поводу де Лави, французский представитель в Санкт-Петербурге, в своем донесении во Францию: «Иезуиты, имеющие здесь (в Петербурге. — *Авт.*) школу и церковь, высказывали в присутствии нескольких лиц, до какой степени они недовольны поездкой царя во Францию в такое время, когда дух народа (французского. — *Авт.*), по-видимому, враждебен папе, вследствие чего они опасаются, что его царское величество, намеривавший присоединиться к Римской Церкви, переменит мнение, особенно если заметит нерасположение двора к папскому престолу»²⁹.

Но несмотря на все эти обстоятельства, письмо сорбонских богословов стало предметом богословского изучения, и в ответ на него в 1718 году было составлено послание в двух различных редакциях: одно — митрополитом Стефаном Яворским, другое — архиепископом Феофаном Прокоповичем. Суть обоих документов была одинакова и сводилась к тому, что русские епископы не считают себя вправе решать вопрос о соединении Церквей без участия представителей других православных церквей и без ведома четырех православных восточных патриархов.

Будучи православными архиереями, Стефан Яворский и Феофан Прокопович в то же время были представителями двух противоположных направлений, бытовавших в то время в русской богословской мысли. Стефан Яворский с большей симпатией относился к католицизму, нежели Феофан Прокопович, который был более расположен в отношении протестантизма. И хотя оба проекта ответного письма содержали благодарность сорбонским богословам за проявленную ими инициативу, в документе, составленном Феофаном Прокоповичем, это было выражено более сдержанно.

«Приняли мы тое (письмо), — писал Феофан Прокопович, — с великой радостью не для того, чтобы в нем новое нечто любопытное усмотреть (понеже что либо в той контрверсии важное есть, не тайно есть богословцам), но что достохвальное ваше желание, о яковом из повести самодержца нашего разуметь мощно было, желали мы и в писании вашем прочесть и, аки бы очима, увидеть... А что вы от Апостола о единстве веры и о противных оному вредах, раздорах и ересьх предложили, в том всегдашнее наше есть и учение и желание: сия и вам, и нам и всем (аще не притворный вид являют) общая суть. Прочее, как бы долговременный сей раздор церковный уврачевать, хотя и не так трудное дело, то есть яковое показали мимошедшие веки от времени наипаче Иннокентия III папы, даже до наших лет, однако и не так скоро и удобно статься то может, как вы может быть думаете, яко же от писания вашего догадуемся»³⁰.

Проект ответа, составленного Феофаном Прокоповичем, понравился Петру I больше, и именно этот документ был отправлен в Париж. Это послание было подписано митрополитом Стефаном Яворским, митрополитом Рязанским и Муромским, Варнавой, епископом Холмогорским и Важским, и Феофаном Прокоповичем, архиепископом Псковским и Изборским. Ответ сорбонским богословам был отправлен 15 июня 1718 года³¹.

Следует отметить, что Феофан Прокопович, не довольствуясь ответом, составленным в самой общей форме, предпринял и другие шаги для нейтрализации инициативы сорбонских богословов. Он направил копию их письма иенскому профессору Буддею³²

²⁹ Сборник имп. Русского исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 216. Из донесения де Лави французскому министерству от 27 мая 1717 г. из С.-Петербурга.

³⁰ Цит. по: Пекарский П. Указ. соч. С. 41.

³¹ Там же.

³² Иоганн Франц Буддеус (1667—1729), профессор богословия в Иене; дал научное обоснование лютеранской догматике (Прим. авт.).

с просьбой со своей стороны высказаться по этому вопросу. Буддей написал резкий критический отзыв на предложение о соединении Восточной и Западной церквей; в своем трактате он стремился доказать невозможность соединения Русской православной церкви с Римско-католической. Это сочинение появилось в печати в 1719 году сначала на латыни, а затем на немецком языке. Феофан Прокопович был доволен сочинением Буддея и даже хотел перевести его на русский язык и поднести Петру I³³.

Реакция Сорбонны. Что же касается сорбонских богословов, то после получения ответа из Петербурга они пришли к выводу, что совместной деятельности по соединению Церквей в ближайшем будущем не предвидится. Кроме того, до них дошли сведения о наличии другой редакции ответа, составленной Стефаном Яворским в более примирительном духе, и они решили, что ей не дал хода Феофан Прокопович. Пытаясь понять мотивы, побудившие Феофана Прокоповича занять такую позицию, они высказали предположение, что тот не желал соединения Церквей, поскольку после упразднения в России патриаршества фактически стоял во главе Русской православной церкви.

Но такое предположение было необоснованным, так как Феофан Прокопович (1681—1736) был гораздо моложе Стефана Яворского (1658—1722). Кроме того, именно Стефан Яворский в 1721 году был назначен главой Святейшего Синода.

Несмотря на неудачу, сорбонские богословы продолжали предпринимать шаги к сближению с Русской православной церковью. Как отмечалось в русской печати, «убедившись в неудаче своего плана, доктора (сорбонские) пригласили еще раз на свидание князя Василия Долгорукого, которого царь оставил в Париже. Беседа их продолжалась три часа, Долгоруков сказал между прочим, что лучше всего было бы устроить в Петербурге собеседования католических и православных богословов, и на прощанье обещал приехать в Сорбонну еще раз, чтобы обсудить этот вопрос»³⁴. Но князь Василий Долгорукий в Париж больше не возвращался, и диалог по этой причине был приостановлен.

Богословские позиции наиболее влиятельных иерархов Русской православной церкви — Стефана Яворского и Феофана Прокоповича в ходе диалога с сорбонскими богословами прояснились вполне достаточно. Что же касается отношения к этому вопросу самого Петра I, то при всей своей веротерпимости он не мог пойти навстречу католическим богословам, и на это у него были свои собственные причины. После смерти патриарха Адриана (ск. 1700 г.) царь медлил с избранием нового первосвятителя, не желая усиления духовной власти Русской православной церкви за счет своей собственной. Один из французских посланников сообщал из России по этому поводу следующее: «Царь со времени смерти последнего патриарха, вследствие обширной власти, соединенной с этим саном, не назначил ему еще преемника, и представляет управление Русской Церковью одному из главных духовных лиц в качестве вице-патриарха»³⁵.

Размышляя о причинах неприятия Петром I идеи сближения с Римско-католической церковью, А. С. Пушкин ссылается на мнение историка Ив. Ив. Голикова (1735—1801), автора 12-томного труда под названием «Деяния Петра Великого», изданного в 1788—1789 годах. Штудировав это сочинение, Пушкин сделал такую запись: «Голиков, вкратце предполагая мнение Сорбоннской Академии и возражение наших феологов, замечает, что мнение о первенстве папы, что и есть католическая мысль, сильно не

³³ Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913. С. 429. Статья «Феофан Прокопович».

³⁴ В. Т. Сношения России с папским престолом в исходе 17 и в первой половине 18 века (По исследованиям П. О. Пирлинга) // Русская старина, 1908. Т. 136, ноябрь. С. 380.

³⁵ Сборник имп. Русского исторического Общества, 1881. Т. 34. С. 30.

покровительствует Петру, который и установил шутовской праздник, в коем осмеивал папу вместо прежнего патриарха»³⁶.

Сорбоннский проект в оценке Ф.-Х. Вебера. О причинах, по которым предложение сорбоннских богословов было в конце концов отвергнуто, подробно пишет Ф.-Х. Вебер — брауншвейгский президент, долгое время живший в Санкт-Петербурге; его перу принадлежит сочинение под названием «Записки о Петре Великом и об его преобразованиях»³⁷. Будучи иностранцем, он был более свободен в оценке внутренних дел России, и хотя он излагает свои собственные соображения с протестантских позиций, в целом его отзыв довольно объективен и заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

Сообщив о проекте сорбоннских богословов по соединению Русской православной и Римско-католической церкви, Вебер пишет далее:

«Кто имеет сведения об этих обеих религиях и кто в особенности знает правила ныне правящего царя, тот легко поймет невозможность этого предложения. Царю необходимо то, чтобы пребывающее в темном невежестве его духовенство само приобретало надлежащие познания, внушало их, вместе со страхом Божиим, своим слушателям и вразумило бы этих последних в необходимости повиновения Богу и своему государю; ото всех же споров и прений ему нужно, чтобы духовенство его воздерживалось и стремилось бы по возможности соединять в себе только простую веру со святой жизнью.

Введение римокатолической веры было бы семенем вечных споров и непременно нарушило бы церковный и светский мир, невозмутимо держащийся до сих пор в России, а вследствие сего, без сомнения, подвергло бы опасности и то прочное положение, в которое царь поставил себя по отношению к русскому духовенству и к верному стороннику этого духовенства, сельскому сословию.

Еще менее можно было бы предположить, что с католической верой внедрится в Россию больше знаний, так как в настоящее время царь, и без того, частью распространил уже их своими достохвальными учреждениями, частью же продолжает дальнейшее их распространение призывом многих ученых людей со всего света, и посылкою своих кандидатов в иностранные университеты. Таким образом, вследствие обучения своих подданных и вследствие ограничения в России авторитета патриарха, а еще более вследствие теперешнего устройства русской армии, значение духовной власти подвергнется еще большей зависимости, которой никогда не потерпит ни папа, никакой духовный совет и вообще духовенство, в приобретенных уже ими правах по делам вер.

О таких важных пунктах, как, например, о браке священников, свято соблюдаемом в России, а равно и о других, в которых обе Церкви разнятся и нелегко могут придти к единению, говорить здесь ничего не стану; замечу только, что царь никогда и не помышлял о таком соединении Церквей, и поэтому все слухи и суждения об этом приказал объявить ложными и неосновательными»³⁸.

Миссия герцога де Лирия (1727—1730). После смерти Петра I (ск. 1725 г.) сорбоннские богословы возобновили свои усилия по сближению Церквей. В 1728 году в Россию приехал аббат Жюбе и начал негласные попытки склонить некоторых представителей Русской православной церкви к возобновлению усилий по соединению Церквей. По его словам, некоторые видные деятели Русской церкви, такие, как Феофилакт Лопатинский и Афанасий Кондоиди, были согласны возобновить шаги в данном направлении. Но со вступлением на русский престол Анны Иоанновны (1730—1740)

³⁶ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. X. С. 247.

³⁷ Опубликовано в: «Русский архив». 1872, № 6—9.

³⁸ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив, № 9. С. 1673—1675.

и при всевластии немца-лютеранина Бирона всякие перспективы на возобновление диалога были утрачены, а аббат Жюбе был выслан из России³⁹.

В эти годы активную миссионерскую деятельность в Петербурге развил полномочный посланник в России Хакобо Ф.-Д. Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Прямой потомок Марии Стюарт, он принадлежал к одному из самых знатных родов Европы. «Дюк Лирийский», как именовали его русские, стал первым представителем Испании при российском дворе, что было подчеркнуто в инструкции короля Филиппа V, врученной ему при отъезде в Россию: «Вы — первый посланник короны нашей при дворе, куда Вы назначаетесь»⁴⁰.

Таково начало королевского «наказа», в котором предписывалось по приезду в Россию проявлять благоразумие в делах веры: «Такая осторожность уже сама по себе нужна для Вашей службы и для исполнения возложенных на Вас обязанностей, но она тем более важна при дворах, которые не исповедуют нашу святую религию (католичество) и где поступки, дела и суждения католиков служат предметом внимания и обсуждения»⁴¹.

Этот документ относится к 1727 году, а два года спустя герцог Лирийский уже активно участвовал в миссионерской деятельности. Дело в том, что после открытия «окна в Европу» Петром I ходили упорные слухи о возможном объединении двух Церквей: Православной и Римско-католической. Одним из инициаторов подобного проекта и был герцог Лирийский, осуществлявший переписку по этому поводу с австрийской императрицей и другими доверенными лицами⁴².

Герцог Лирийский скептически относился к слухам по поводу симпатий Петра I к Римско-католической церкви. Вот ход рассуждений испанского посланника: «Я не разделяю мнения о том, что царь Петр I намеревался осуществить, либо содействовать осуществлению такого объединения. Его царское Величество в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии и в необходимости учреждения которого он неизменно убеждал российский Синод. Помимо прочего, его гордость не позволяла ему смириться с главенством папы, и он неизменно стремился стать главою Церкви, подобно английскому королю. Об этом в значительной степени свидетельствует принижение им достоинства патриарха, полномочия которого по управлению церковными делами он сократил, создав суд под названием Синод, подчиненный е. ц. в-ву, каждый член которого, прежде чем приступить к осуществлению своих обязанностей, приносит клятву, в которой он признает е. ц. в-во главою Синода»⁴³.

Одним из противников объединения Православной и Римско-католической церквей в те годы был архиепископ Феофан Прокопович — известный проповедник и государственный деятель петровской эпохи. Родился он в 1681 году в Киеве, образование получил в Киево-Могилянской академии, потом уехал в Рим, где слушал лекции в иезуитской коллегии Св. Афанасия, там принял католичество, но в 1704 году, возвратившись в Киев, снова обратился в православие. Благодаря своим способностям он вскоре сделался известным Петру I, который приблизил его и воспользовался его способностями для своих государственных реформ⁴⁴.

³⁹ Пекарский П. Указ. соч. С. 43. О деятельности аббата Жюбе в России см.: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ, № 23, июнь 1990. С. 105–245.

⁴⁰ Инструкции Филиппа V полномочному посланнику Испании в России Хакобо Ф. Д. Стюарту, герцогу де Лириа-и-Херика, от 11/22 января 1727 г. // Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 116.

⁴¹ Там же. С. 116–117.

⁴² Там же. С. 135.

⁴³ Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу. Москва, 29 апреля 1729 г. // Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 133.

⁴⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., 1913. С. 2417.

С 1725 года Феофан (Прокопович) был архиепископом Новгородским, но практически в его ведении находилась церковная жизнь российской столицы. Именно в лице Феофана (Прокоповича) герцог Лирийский видел главное препятствие на пути объединения Церквей. «Сегодня, когда во главе Синода стоит митрополит архиепископ Новгородский, об объединении, на мой взгляд, не может быть и речи, — писал герцог Лирийский. — Этот человек, проявляющий большую склонность к лютеранству, смелый и образованный, враг католической религии, хотя и учился на протяжении многих лет в Риме, имеет почти неограниченное влияние на русский клир. Он пользовался неограниченным влиянием Петра I»⁴⁵.

В своей миссионерской деятельности герцог Лирийский опирался на ближайшего помощника — о. Бернардо де Рибера, который находился в Петербурге в качестве капеллана. «Он монах-доминиканец, доктор богословия и проповедник, человек истинно глубоких познаний, — так отзывался об о. Бернардо герцог Лирийский. — Религиозное рвение побудило этого достопочтенного монаха со времени приезда сюда обратиться к написанию на прекрасном латинском языке трактата о русском православии с целью доказать (и это ему удалось), что Католическая Церковь и те, кто с ней связан, представляют собой подлинную Христову Церковь; и что папа является, согласно установлениям нашего Спасителя, Ее верховным Первосвященником, призванным быть главенствующим представителем всей Церкви; и наконец, что во всем, что их отличает от нас, они вступают в явное противоречие с положениями Евангелия и решениями самих вселенских соборов, которых они придерживаются»⁴⁶.

В 1729 году о. Рибера был представлен архиепископу Феофану (Прокоповичу), а вскоре направил ему свой богословский трактат, приложив к нему сопроводительное письмо. Как сообщает далее герцог Лирийский, о. Рибера «обратился с просьбой к Его Пресвященству, чтобы тот любезно согласился ответить на затронутые им вопросы»⁴⁷. Но владыка Феофан избегал богословских споров с католиками, и, как пишет герцог Лирийский, «несмотря на все усилия святого отца Рибера, ответа он не получил: митрополит отделяется обещаниями и не желает обсуждать вопросы по существу»⁴⁸.

Но герцог Лирийский считал, что среди иерархов Русской православной церкви он мог бы найти сторонников унии. Правда, его оценка таких возможностей была преувеличена, о чем свидетельствуют, например, такие его рассуждения: «Разумеется, не все прелаты сходятся во мнении с митрополитом Новгородским, есть такие, кто проявляет симпатии к католической религии, есть и такие, в отношении которых существует подозрение, что они на самом деле являются католиками»⁴⁹.

Интересна оценка, которую дает испанский дипломат перспективам диалога русских и сорбонских богословов. Отметив, что покойный Петр I в свое время поручил Феофану Прокоповичу «подготовить ответ на письмо Сорбоннской богословской школы», герцог Лирийский продолжает: «Я не сомневаюсь в том, что те придворные, кто готовил записку, направленную вам и мне, позаботились также о том, чтобы направить копии письма сорбонских теологов русским прелатам и знакомы с их ответом. Посему я не буду отправлять их Вашему превосходительству. Из ответа совершенно очевидно, что русские прелаты не намерены вдаваться в обсуждение вопроса об объединении. Это подтверждается со всей очевидностью тем, как составлено письмо, поскольку его содержание сводится к многочисленным хвалам в адрес Сорбоннской школы и тех,

⁴⁵ Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии... С. 133.

⁴⁶ Там же. С. 134.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

кто в нее входит, и завершается словами о том, что поскольку патриарший престол России вакантен, они не осмеливаются рассматривать никакие вопросы, не проконсультировавшись предварительно со своими иерархами, т. е. с патриархами Константинопольским, Антиохийским и Александрийским. Я располагаю также и другим, более свежим доказательством того, что митрополит Новгородский избегает этой темы и не желает обсуждать вопросы, касающиеся религии»⁵⁰.

Архиепископ Феофан являлся для испанского посланника главным противником при осуществлении задуманных им планов, и, утратив чувство реальности, он готов был даже пойти на вмешательство в дела суверенного государства, которым была православная Россия. «Единственным способом приступить к переговорам об объединении Церквей, о которых идет речь, было бы прежде всего добиться удаления от дел митрополита (архиепископа Феофана. — *Авт.*) и поставить на его место во главе Синода прелата, способного рассуждать здраво, такого, с которым можно было бы спокойно вести переговоры, а таких при желании можно было бы найти немало»⁵¹ — таково первое «условие», выдвинутое испанским герцогом.

Всего таких пунктов в его плане был семь⁵², но прежде всего необходимо было воздействовать на Феофана (Прокоповича). Ближайший помощник герцога о. Рибера приступил к этому столь рьяно, что в 1730 году разногласия между испанским монахом и архиепископом Новгородским вылились в настоящий конфликт. О. Рибера обвинили в навязывании публичных споров с архиепископом Феофаном. В конце концов это привело к тому, что о. Рибера вынужден был покинуть Россию. В том же 1730 году герцог де Лириа также отбыл из Санкт-Петербурга.

Тем не менее положение французов-католиков, селившихся в России, постоянно улучшалось. Так, в 1720 году католическая община в Москве состояла уже из 200 человек. Вместо священников-иезуитов из Польши в Россию стали приглашаться французские кордельеры и капуцины⁵³.

Сорбонна и Наполеон. Русско-французские связи успешно развивались во второй половине XVIII века. В 1790 году в Париже побывал Николай Михайлович Карамзин (1766–1828); он застал еще «прежнюю Сорбонну», хотя в 1789 году Франция уже была охвачена революцией. В 1791 году Сорбонна была закрыта, но, к счастью, ненадолго. В 1808 году Наполеон вернул ей прежние свободы, однако университет из бывшей богословской школы превратился в центр светского образования. И казалось бы, «проект сорбоннских богословов» за истекшие десятилетия должен был кануть в Лету. Но на этом сорбоннская история не закончилась: она получила неожиданное продолжение в начале XIX столетия.

В мае 1810 года император Наполеон через сенатора графа Грегуара, бывшего епископа Блоаского, обратился с письмом к митрополиту Московскому Платону (Левшину), которое заканчивалось выражением надежды на воссоединение Восточной и Западной церквей. «Вам известно, — писал Грегуар, — что, когда царь Петр был в Париже, тогда учителя сорбоннские представили ему записку о соединении Церкви Греческой с Римской. Российские архиереи, находившиеся при С.-Петербургском Дворе, сделали в следующем 1718 году ответ, который не привел к желанной цели: они хотели, по их словам, иметь совещание с греческими патриархами Восточной Церкви. Думать надобно, что совещание сие уже было, но во Францию не сообщены ответы греческих патриархов,

⁵⁰ Там же. С. 133–134.

⁵¹ Там же. С. 134.

⁵² Там же. С. 134–135.

⁵³ Иконников В. С. Сношения России с Францией XVI–XVIII вв. Киев, 1893. С. 45.

а меня уверяли, что они находятся в архивах Св. Синода в Москве. Не почтите с моей стороны нескромностью, Ваше Высокопреосвященство, просьбу о списке с оных»⁵⁴.

Митрополит Платон препроводил это послание на рассмотрение в Св. Синод через обер-прокурора князя А. Н. Голицына. Политическая ситуация, сложившаяся к этому времени на европейском континенте, не способствовала рассмотрению вероисповедальных вопросов, и поэтому ответное письмо митрополита Платона, направленное в 1811 году графу Грегуару, было составлено в сдержанных тонах.

«Я получил письмо, коим Вы меня почтили, сиятельнейший граф, вместе с приложенными к оному книгами, — писал митрополит Платон поверенному Наполеона. — Мне весьма было бы приятно ответить той доверенности, какую мне изъясляете, и на то лестное мнение, какое мне посчастливилось Вам внушить. Но все поиски в архивах, для открытия требуемых Вами документов, остались тщетными; в них даже не найдено ни малейшего следа совещания восточных патриархов. С царствования Петра I деланные покушения (попытки. — *Авт.*) касательно сближения двух Церквей остаются безуспешными, потому что надобно убедиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа русского. Это до сих пор не решено: народ наш столько привязан к своей вере, сколько проникнут обязанностью сохранять оную во всей целостности, что всякая в ней перемена может сделаться для русских оскорбительной и пагубной. Не мне теперь, среди недугов старости и при конце своего земного странствия, начинать дело, столь важное и великое; а мой удел приносить молитвы о мире Церкви и о благоденствии своего отечества»⁵⁵.

Военные действия, предпринятые вскоре Наполеоном против России, не дали обеим сторонам возможность продолжить поиски путей сближения. Проект сорбонских богословов был окончательно сдан в архив.

⁵⁴ Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона. Изд. 2-е. Ч. 2. М., 1891. С. 33.

⁵⁵ Там же. С. 33–34.